

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-8

EDN: UYJGFI

Гёте – Жуковский – Пушкин – Лермонтов: типология сюжетных мотивов

Герман Юрьевич Филипповский¹✉, Лариса Ивановна Зимина²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹fil.gerr@yandex.ru✉, <https://orchid.org/0000-0002-6765-8451>

²larissazimina@mail.ru, <https://orchid.org/0000-0002-1137-3967>

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова с опорой на поэтические мотивы «там»–«туда» как знак «романтического иномирия». Оба поэта шли по стопам переводов В. А. Жуковского текстов великого немецкого предромантика И. В. Гёте. В его стихотворении «Миньон» (из Вильгельма Мейстера) в 1796 году впервые появляются знаковые поэтические мотивы «там»–«туда», романтического и чудесного «далёко». А. С. Пушкин использует эти мотивы уже в своем раннем стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» как образ Элизиума лицейских садов. И. М. Семенко, вслед за В. М. Жирмунским и Ю. М. Лотманом, пишет, что «поэту явилось видение, приоткрывшее завесу над таинственным миром». В стихотворении Гёте песня-греза девочки-Миньоны (начало: «Ты знаешь край?...») говорит о цветущих лимонах и померанцах, гордо стоящих лаврах и миртах, – райская картина. Песню Миньоны переводили Жуковский, Тютчев, Мей, Пастернак, Шервинский. Произведения Пушкина 1821 и 1827–1828 годов (с эпиграфом «Kennst du das Land? Wilhelm Meister» и «По клюкву, по клюкву, По ягоду, по клюкву...»), интерпретируя стихи Гёте, воспевают родную русскую красоту. Интерпретация М. Ю. Лермонтова 1829 г. «Жалобы турка (Письмо. К другу, иностранцу)» молодого Лермонтова начинается строками, близкими к Гёте: «Ты знал ли дикий край...». Однако прием романтического ландшафта у Лермонтова приводит не к чудесному преображению (как, например, у Пушкина), а – к крайне отрицательному, негативному: «Где хитрость и беспечность злобе дань несут, Где сердце жителей волнуемо страстями, И где являются порой Умы и хладные и твердые как камень ...». Духовная трансформация земного ландшафта переходит от Гёте и Пушкина к Лермонтову, покой и воля позднего Пушкина приходит к позднему Лермонтову, к его строкам «Я ищу свободы и покоя». Всё вышеприведенное можно считать поэтическим завещанием и Гёте, и Жуковского, и Пушкина, и Лермонтова.

Ключевые слова: романтическое иномирие; мотивы «там»–«туда»; духовная трансформация земного ландшафта; Гёте; Жуковский; Пушкин; Лермонтов

Для цитирования: Филипповский Г. Ю., Зимина Л. И. Гёте – Жуковский – Пушкин – Лермонтов: типология сюжетных мотивов // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 8–20. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-8>. <https://elibrary.ru/UYJGFI>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Goethe – Zhukovsky – Pushkin – Lermontov: typology of plot motifs

German Yu. Filippovsky^{1✉}, Larisa I. Zimina²

¹Doctor of philological sciences, professor at the department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

²Candidate of philological sciences, assistant professor at the department of language theory and the german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

¹fil.gerr@yandex.ru[✉], <https://orchid.org/0000-0002-6765-8451>

²larissazimina@mail.ru, <https://orchid.org/0000-0002-1137-3967>

Abstract. The article analyzes the works by A. S. Pushkin, V. A. Zhukovsky, and M. Y. Lermontov with reference to the poetic motifs «there» vs «thither» as a sign of «romantic otherworldliness». Both poets followed V. A. Zhukovsky's translations of texts by the great german pre-romanticist J. W. Goethe. In his 1796 poem «Mignon» (from Wilhelm Meister), the iconic poetic motifs of «there»–«thither», of romantic and marvelous «far away» appear for the first time. A. S. Pushkin uses these motifs in his early poem «Memories in Tsarskoe Selo» as an image of the lyceum gardens Elysium. I. M. Semenko, following V. M. Zhirmunsky and Y. M. Lotman, writes that «the poet had a vision that lifted the veil over the mysterious world». In Goethe's poem, the dream-song of the Mignon girl (the beginning is «Do you know the land?...») speaks of blossoming lemons and wild orange trees, proudly standing laurels and myrtles – a picture of paradise. Mignon's song was translated by Zhukovsky, Tyutchev, Mei, Pasternak, and Shervinsky. Pushkin's works of 1821 and 1827–1828 (with the epigraph «Kennst du das Land? Wilhelm Meister» and «For cranberries, for cranberries, for berries, for cranberries...») glorify native Russian beauty by interpreting Goethe's poems. The young M. Y. Lermontov's 1829 interpretation of «Complaints of a Turk (Letter. To a foreign friend)» begins with lines close to Goethe: «Did you know the wild land...». However, Lermontov's romantic landscape does not lead to a miraculous transformation (as, for example, in Pushkin's work), but to something extremely negative: «Where artifice and carelessness pay tribute to evil, Where the heart of people is troubled by passions, And where minds both cold and hard as stone appear at times...». The spiritual transformation of the earthly landscape transfers from Goethe and Pushkin to Lermontov, the peace and will of the later Pushkin comes to the later Lermontov, to his lines «I seek freedom and peace». All of the above can be considered a poetic testament of both Goethe and Zhukovsky, Pushkin and Lermontov.

Key words: romantic otherworldliness; motifs «there»–«thither»; spiritual transformation of the earthly landscape; Goethe; Zhukovsky; Pushkin; Lermontov

For citation: Filippovsky G. Yu., Zimina L. I. Goethe – Zhukovsky – Pushkin – Lermontov: typology of plot motifs. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):8–20. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-8>. <https://elibrary.ru/UYJGFI>

Введение. Юный Пушкин, как известно, на торжественном лицейском акте 1814 года прочитал свое «Воспоминания в Царском Селе». Внешне, с точки зрения жанра, «Воспоминания...» соотносились с популярными в начале XIX века элегиями. Хотя по содержанию, его героическому пафосу 1812 года это всё же скорее была ода. Именно так воспринял произведение престарелый Гавриил Романович Державин, до того дремавший за столом и вдруг, проснувшись, побежал обнимать и целовать юного поэта. Но не так прост был Державин, это была не просто эмоция. Сам великий новатор, разрушитель жанра оды классицизма, Державин и в юноше Пушкине безошибочно распознал поэта-новатора. Сам он в молодом сравнительно воз-

расте создал одно из первых своих произведений «Оду на рождение в Севере порфиородного отрока» 1788 года [Державин, 1985, с. 35–38]. Открывается она роскошной пейзажной картиной сказочного русского Севера (описание зимы здесь вполне может поспорить со знаменитым эпизодом созданной много позже поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный Нос»). Сказочные сюжеты переполняют названную оду Державина, произведение однозначно новаторское.

Конечно, пейзажная тема была развита у близкого Пушкину Жуковского. Например, элегическое обращение «К месяцу»: «Снова лес и дол покрыл блеск туманный твой. Он мне душу растворил Сладкой тишиной. Ты блеснул ... и просветлел Тихо темный луг; Так улыбкой наш

удел Озаряет друг ...» или в стихотворении «Жалоба пастуха»: «На ту знакомую гору Сто раз я в день прихожу; Стою, склоняся на посох, И в даль с вершины гляжу... Над милой хижиной светит, Видаю, радуга мне ... К чему? Она удалилась! Она в чужой стороне!» [Жирмунский, 1982, с. 85]. В связи с мотивами элегической мечтательности поэт считает, что поэзия то же, что музыкальный инструмент, в котором верность звуков должна уступать приятности. При кажущейся точности Жуковский незаметно стилизует стихотворение в свойственных ему элегических тонах, усиливая в нем те элементы, которые родственны его собственному восприятию жизни и послужили поводом для выбора данного стихотворения. Таким образом, создается новое, вполне цельное и жизнеспособное художественное единство [Жирмунский, 1982, с. 85].

А вот великолепный пейзаж (как бы вослед державинской оде 1778 года) открывает и Пушкин в «Воспоминаниях ...»: «Навис покров угрюмой ночи На своде дремлющих небес; В безмолвной тишине почил дол и рощи. В седом тумане дальний лес; Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы, Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях, И тихая луна, как лебедь величавый, Плывет в серебристых облаках» [Пушкин, 1936, с. 273]. Но если у Державина в отмеченной оде это сказочный пейзаж русского Севера с инеями, метелями, льдами, седобородым Бореем, то у Пушкина здесь романтический ночной пейзаж «угрюмой ночи», где «в безмолвии огромные чертоги, на своды опершись, несутся к облакам». Если у Державина «засыпали Нимфы с скуки Средь пещер и камышей», то у Пушкина появляются «наяды»: «С холмов кремнистых водопады Стекают бисерной рекой, Там в тихом озере плескаются наяды Его ленивою волной» [Пушкин, 1936, с. 273].

Ночной пейзаж прекрасных садов скорее напоминает идиллию, но романтическую, – здесь и «тихая луна», и «покров угрюмой ночи», оссианские мотивы [Левин, 1980]. Далее текст еще более близок романтикам с их характерным и таинственным «там»: «С холмов кремнистых водопады Стекают бисерной рекой, Там в тихом озере плескаются наяды Его ленивою волной; А там в безмолвии огромные чертоги, На своды опершись, несутся к облакам» [Пушкин, 1936, с. 273].

Прежде чем обратиться к героической теме России времен Екатерины Второй и Александра Первого, Пушкин в качестве «восклицательного

знака» поэтизирует сады лица: «Не се ль Элизиум полнощный Прекрасный царскосельский сад ...» [Пушкин, 1936, с. 273]. Важно подчеркнуть, что пушкинский «Элизиум» – это не просто рай античных поэтов, но – иное пространство, иномирие. Иными словами, это такое же «там», какое видели затем своим романтическим взглядом и современники, и сам Пушкин. Райская картина садов лица вполне соотносится с привлеченным юным Пушкиным романтическим «там», хотя оно и вполне реально, зримо, осязаемо. Очень точно на этот счет выразилась И. М. Семенко (правда, говоря о поэзии В. А. Жуковского): «Изображается „реально“ явившееся поэту видение, приоткрывшее завесу над таинственным миром» [Семенко, 1975, с. 99].

В целом картина идиллического паркового ансамбля в «Воспоминаниях...» Пушкина перекликается с элегией В. А. Жуковского «Славянка» [Жуковский, 1906, с. 201–203]. Однако она была создана в 1815 году, то есть Пушкин своим произведением реально опередил Жуковского (что и подчеркнула надпись на портрете «Победителю-ученику от побежденного учителя»). «Очарованное там», действительно, появляется в «Воспоминаниях...» Пушкина ранее Жуковского. Характерный для романтиков отлет мечты от действительности ярко подчеркнут этим «там». Правда, у Жуковского в «Славянке» «там» откровенно связано с потусторонним миром, с жизнью души в иномирии: «О! Сколь они, в виду сей урны гробовой, для унывающей души красноречивы: Тоскуя ль полетит она за край земной – Там все утраченные живы». Романтическое «там» встречается в этой элегии Жуковского постоянно: «Там слышен на току согласный стук цепов; Там песня пастуха и шум от стад бегущих; Там медленно, скрипя, тащится ряд воез, Тяжелый груз снопов везущих» [Жуковский, 1906, с. 201–202]. По сути, это образ Элизия-Рая, который виделся поэту в идиллическом пейзаже Павловска с его живописной речкой Славянкой (как виделся этот пейзаж не только Жуковскому, но и императрице Марии Фёдоровне, главной вдохновительнице возникновения этого прекрасного ландшафтного чуда).

Тема пейзажного чуда, к которому стремится душа поэта или его героя, появляется в русской поэзии не без влияния немецких романтиков, Гёте, конечно, еще до Пушкина.

В «Бумагах Державина», образ которого выше уже связывался с юным Пушкиным, были обнаружены тексты переводов В. Бриммера, точнее,

вольная интерпретация Гёте, в том числе «Девушка» и «Юноша». В текстах стихотворений есть правки, может быть, даже рукою Державина [Литературное наследство Г. Р. Державина]. Владимир Карлович Бриммер, офицер, служивший в военно-сиротском корпусе, по сведениям С. А. Венгерова, «стихотворец, сотрудник журналов 20-х годов», пользовался поддержкой Державина и упоминается в его переписке в 1814–1816 годах. «Он человек с нарочитыми способностями, честный, но бедный, ... будучи на малом жаловании в службе военно-сиротского дома и недурно пишет по-русски и может быть с пользой употреблен на службе», – пишет Державин в своем письме Шишкову. По рекомендации Державина Бриммер перевёл на немецкий язык императорский манифест [Жирмунский, 1982, с. 94]. Тексты стихотворений «Девушка» и «Юноша» включили, по сути, уже романтический порыв лирического героя к прекрасной природе. Правда, характерного «там–туда» (как у Гёте или раннего Пушкина, или у Жуковского) пока еще нет. Но оно уже как бы «в воздухе», на подходе, в самом романтическом воображении, порыве. Вот тексты этих двух стихотворений: **Девушка** «Где скрылся мой милой? Какой это силой Влекусь я к нему! Его лишь примечу, То брошусь на встречу, Предамся ему. Ах нет! так забыться, Чтоб в том мне открыться! Скалы и деревья! Сокройте меня»; **Юноша** «Здесь должно прекрасной, Но ах! и бесстрастной Быть Девушке, здесь. Я, как ни пылаю, Скрывал и скрываю Страсть сердца по днесь. Но полно таиться, Уж время открыться. Скалы и деревья, Меж вами она» [Жирмунский, 1982, с. 95].

Другой поэт XVIII века И. И. Дмитриев (кстати, близкий приятель Г. Р. Державина), обращаясь к творчеству Гёте раннего веймарского периода, создал в 1795 году стихотворение «На случай грома. Подражание германскому поэту г. Гёте», переложение гётевского «Grenzen der Menschheit» («Границы человечества»), по термину В. М. Жирмунского «философической оды» [Жирмунский, 1982, с. 95]. Однако, по своей поэтической сути, произведение вполне предромантическое, с характерным природным колоритом и даже природной экстремальностью совсем в духе «Sturm und Drang». К слову сказать, И. И. Дмитриев, как и Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, имел непосредственное отношение к началу творческого пути А. С. Пушкина: все они были тогда частыми гостями в доме Василия Львовича Пушкина, своеобразной колыбе-

ли поэтического гения. Вот текст этого произведения И. И. Дмитриева (по мотивам Гёте):

«Гремит!.. благоговей, сын персти! Се ветхий деньми с небеси Из тихой, благотворной длани Перуны сеет по земли. Всесильный! с трепетом младенца Целую я последний край Твоей молниецветной ризы, И исчезаю пред тобой. Что человек? Стремится ль к тверди, Касается ли темем звезд? Нигде стопою ненадежной Не может опереться он, Игналище легчайших ветров! Мозговыми ли стал костями На землю тверду, долговечну: Пред дубом, ивой даже мал! Ты дхнешь, и двигнешь океаны, Речешь, и вспять они текут; А мы – одной волной подъяты, Одной волной поглощены! Вся наша жизнь, о безначальный! Пред тайной вечностью твоей – Мечтание часов крылатых, Луч бледный утренней зари» [Жирмунский, 1982, с. 65].

Здесь еще нет характерно-романтического «там–туда». Но порыв к тайнам и чудесам природы и даже «мечтания», «стремления» в этом стихотворении поэта XVIII века достойны предромантика и даже романтика. Можно с полным правом сказать, что Дмитриев, Державин, Жуковский – прямые предтечи Пушкина. Кстати, Жуковский был чтецом и учителем для императрицы-немки, жены Николая I, им же был обязан поездкой в Веймар, где встречался с Гёте, которого затем много переводил (впрочем, как и других поэтов-современников Гёте).

Основная часть. Примечательно, что апология романтической фантазии появляется у Жуковского в стихотворении 1810 года «Моя богиня (из Гёте)» [Жуковский, 1906, с. 63–64]. Всего он создал 18 переложений из Гёте, которого он буквально боготворил: «В далеком полуночном свете Твоею музою я жил, И для меня мой гений Гете Животворитель жизни был!» [Жирмунский, 1982, с. 81]. В. М. Жирмунский считал, что Жуковский был первым русским поэтом, который исходил из целостного восприятия поэтической личности Гёте, и явился, по сути, родоначальником «немецкой» школы русских поэтов (Веневитинов, Тютчев, Фет, А. Толстой и др.). В. А. Жуковский много бывал в Европе, в своем творчестве обращался к мотивам Гёте, европейской теме. Например, в письме к Дашкову намечает целый ряд прозаических переводов из Гёте для закупаемого им литературного альманаха: «Проза. Гете: «Römischer Carnewal (Римский Карнавал из «Итальянского путешествия»), отрывки: Reisen nach Italien («Итальянское путешествие»),

Werthers Briefe aus der Schweiz («Письма из Швейцарии») [Жирмунский, 1982, с. 78].

«Моя богиня» В. А. Жуковского как «богиня-фантазия» обошлась без использования характерно-романтического «там». Еще раз повторим, что у Жуковского в «Славянке» этот поэтико-метафизический, ключевой ориентир «там» использован многократно. Пожалуй, впервые очарованный мир «там» создал великий Гёте в своем стихотворении «Миньон» [Данилевский, 2004, с. 99–100]. Оно появилось в составе «Вильгельма Мейстера» (1796) как песня-греза девочки-Миньоны:

*Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn
Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn,
Im dunkeln Laub die Goldorangen glühn,
Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht,
Die Myrte still und hoch der Lorbeer steht?
Kennst du es wohl? Dahin!
Dahin möcht' ich mit dir,
O mein Geliebter, ziehn.*

*Kennst du das Haus? Auf Säulen ruht sein Dach,
Es glänzt der Saal, es schimmert das Gemach,
Und Marmorbilder stehn und sehn mich an:
Was hat man dir, du armes Kind, getan?
Kennst du es wohl? Dahin!
Dahin möcht' ich mit dir,
O mein Beschützer, ziehn.*

*Kennst du den Berg und seinen Wolkensteg?
Das Maultier such im Nebel seinen Weg,
In Höhlen wohnt der Drachen alte Brut;
Es stürzt der Fels und über ihn die Flut.
Kennst du ihn wohl? Dahin!
Dahin geht unser Weg!
O Vater, laß uns ziehn!*

*Heiß mich nicht reden, heiß mich schweigen,
Denn mein Geheimnis ist mir Pflicht;
Ich möchte dir mein ganzes Innre zeigen,
Allein das Schicksal will es nicht.*

*Zur rechten Zeit vertreibt der Sonne Lauf
Die finstre Nacht, und sie muß sich erhellen;
Der harte Fels schließt seinen Busen auf,
Mißgönnt der Erde nicht die tiefverborgnen Quellen.*

*Ein jeder sucht im Arm des Freundes Ruh,
Dort kann die Brust in Klagen sich ergießen;
Allein ein Schwur drückt mir die Lippen zu,
Und nur ein Gott vermag sie aufzuschließen [Goethe, 1960, s. 353].*

На русский язык «Миньон» переводили многие поэты. По разным причинам первым приведем

перевод Льва Мея «Песня Миньоны» (1849). Конечно, переводы Тютчева, Пастернака, Шервинского великолепны, это высококлассные работы выдающихся поэтов, переводчиков. Однако представляется, что перевод Л. Мея ближе всего оригиналу высокой простотой, поразительной точностью образов, поэтической интонацией.

Мей Л. Песня Миньоны

Ты знаешь край, где лимонные рощи цветут,
Где в темных листьях померанец, как золото, рдеет,
Где сладостный ветер под небом лазоревым веет,
Где скромная мирта и лавр горделивый растут?
Ты знаешь ли край тот? Туда бы с тобой,
Туда бы ушла я, мой друг дорогой!
Ты знаешь ли дом? Позолотою яркой блестя,
На легких колоннах вздымается пышная зала...
Статуи стоят и глядят на меня с пьедестала:
«Дитя мое бедное! Что с тобой случилось, дитя?»
Ты знаешь ли дом тот? Туда бы с тобой,
Туда бы ушла я, возлюбленный мой!
Ты знаешь ли гору? Там в тучах тропинка видна;
Там мул себе путь пробивает в туманах нагорных;
Там змеи гнездятся в пещерах и пропастях черных;
Там рушатся скалы и плещет на скалы волна.
Ты знаешь ту гору? Туда мы с тобой,
Туда мы умчимся, отец мой родной! [Гёте, 2019, с. 60].

Жуковский В. А. Мина. Подражание Гёте (1818)

Я знаю край! там негой дышит лес,
Златой лимон горит во мгле древес,
И ветерок жар неба холодит,
И тихо мирт и гордо лавр стоит...
Там счастье, друг! туда! Туда
Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

Там светлый дом! на мраморных столбах
Поставлен свод; чертог горит в лучах;
И ликов ряд недвижимых стоит;
И, мнится, их молчанье говорит...
Там счастье, друг! туда! Туда
Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

Гора там есть с заоблачной тропой!
В туманах мул там путь находит свой;
Драконы там мутят ночную мглу;
Летит скала и воды на скалу!..
О друг, пойдем! туда! Туда
Мечта зовет!.. Но быть ли там когда? [Жуковский, 1906, с. 237].

Если в оригинале Гёте знаковые романтические ориентиры «dahin», «dort» встречаются 7 раз, то есть знаково, то в переводе Жуковского

подобного рода «туда», «там» обнаруживаются намного чаще – 14 раз. Возможно, Гёте проявляет себя в «Миньоне» в лучшем случае как предромантик, в то время как Жуковский в полной мере использует романтические приемы обращенности в иномирие, скорее даже устремленности к высотам поэтического духа.

**Тютчев Ф. И. Из «Вильгельма Мейстера»
Миньона (1852)**

«Kennst du das Land?..»

Ты знаешь край, где мирт и лавр растет,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон, и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой.

Ты знаешь высь с стезей по крутизнам?
Лошак бредет в тумане по снегам,
В ущельях гор отроде змей живет,
Гремит обвал и водопад ревет?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Лежит наш путь – уйдем, властитель мой.

Ты знаешь дом на мраморных столпах?
Сияет зал и купол весь в лучах;
Глядят кумиры, молча и грустя:
«Что, что с тобою, бедное дитя?..»

Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Уйдем скорей, уйдем, родитель мой [Гёте, 2012,
с. 86–87].

**Шервинский С. В. Из «Вильгельма Мейстера»
Миньона (1935)**

Ты знаешь край? Лимоны там цветут,
К листве, горя, там померанцы льнут,
И нежный ветер под синевой летит,
Там тихо мирт и гордо лавр стоит.
Ты знаешь их?
Туда, туда
Умчаться б нам, о милый, навсегда.

Ты знаешь дом? Колонны стали в ряд,
Сверкает зал, и комнаты блестят,
Стоят и смотрят мраморы, грустя:
«Что сделали с тобой – увя! – дитя?»
Ты знаешь их?
Туда, туда
Умчаться б нам, о добрый, навсегда.

Ты знаешь гору с облачной тропой?
В тумане мул там путь находит свой,
В пещерах жив драконов древний род,
Крута скала, над ней же круча вод!
Ты знаешь их?

Туда, туда
Наш путь, отец, – умчимся ж навсегда [Гёте, 1975,
с. 147–148].

Пастернак Б. Л. Миньона (1950)

Ты знаешь край лимонных роц в цвету,
Где пурпур королька прильнул к листу,
Где негой Юга дышит небосклон,
Где дремлет мирт, где лавр заворочен?
Ты там бывал?
Туда, туда,
Возлюбленный, нам скрыться б навсегда.

Ты видел дом? Великолепный фриз
С высот колонн у входа смотрит вниз,
И изваянья задают вопрос:
Кто эту боль, дитя, тебе нанес?
Ты там бывал?

Туда, туда
Уйти б, мой покровитель, навсегда.

Ты с гор на облака у ног взглянул?
Взбирается сквозь них с усилием мул,
Драконы в глубине пещер шипят,
Гремит обвал, и плещет водопад.
Ты там бывал?
Туда, туда
Давай уйдем, отец мой, навсегда! [Гёте, Т. 1, 2022,
с. 88].

Если в переводе Жуковского ведущим лейт-мотивом «туда», «там» была **мечта**, то есть нечто воображаемое, несмотря на некоторые реальные черты этого желанного другого мира, то в переводах других поэтов XIX–XX вв. ориентир мечты меняется на нечто более осязаемое, земное. Если у Пушкина в «Воспоминаниях в Царском Селе» «там» синонимично не только Элизию древних, но и райскому царскосельскому саду конкретно, то у Жуковского уже в его раннем 1803 года «Сельском кладбище» «там» синонимично всецело иномирию потустороннего мира. «Там, может быть, лежит неведомый Мильтон, И в узах гробовых безмолвствуя хладет; Там, может быть, Кромвель неукротимый тлеет...» [Жуковский, 1906, с. 14].

Критерий Бога, как определяющий в стремлениях человека, обозначен в «Миньон» Гёте (скорее, как Бог-Слово). В русских переводах, как такового, прямого соответствия нет, несмотря на общую тональность духовного устремления лирического героя. Но прямой критерий мечты (и не только её, но и потустороннего мира) назван только у Жуковского. Всё это говорит, что основная масса переводов «Миньон» на русский

язык, в сущности, ближе к жизнелюбивости Гёте, включая его земное жизнелюбие (при всем космизме и всеохватности гения Гёте).

Ключевым поэтическим мотивом, по сути, лейтмотивом, характерным как для Гёте, так и для всех переводов, выступают принципиально романтические ориентиры «там» и «туда» (ранее подобное наблюдение было связано с Пушкиным в его «Воспоминаниях...» и с Жуковским — в «Славянке»). Отмеченные фантазии мира «там», прежде всего, поэтические фантазии мира «Миньон» Гёте, говорят, что в сознании поэта они существуют как особый край, романтическая реальность особого бытия, более того, этим «там» пронизано поэтическое сознание и Жуковского, и Пушкина, и Лермонтова, и многих других поэтов (не исключая переводчиков). Разумеется, эти ориентиры являлись важным критерием романтической фантазии. И. М. Семенко отмечает, что *«вера в чудесное, живущая рядом с нами и в нас самих, представляет в изображении Жуковского вечную потребность человеческого духа»* [Семенко, 1975, с. 234]. Следует добавить, что обсуждаемое чудесное тесно смыкается с поэтическим и магическим ориентиром «там» и «туда».

Одному из авторов данной статьи представляются возможными некоторые личные впечатления или наблюдения на этот счет. Известно, что «Миньон» Гёте возникла под впечатлением счастливой поездки поэта в Италию, прежде всего, в Рим («Römische Elegien»). Одному из авторов статьи довелось по приглашению Ватикана посетить Рим в марте — апреле 2004 года. Впечатления начала пребывания не только поразили воображение, но и неожиданно и парадоксально перекликались с романтическими фантазиями Гёте в его «Миньон». В первый же день по приезде, оказавшись в центре вечного города, минуя грандиозный Колизей и триумфальную арку императора Константина, направился к холму Целия, но ... заблудился, выйдя к пространству Большого Цирка, императорских руин на Палатине. Монахиня указала правильный путь, вернулся. Конференция, в которой затем принял участие, была посвящена 1500-летию памяти Папы Римского Григория I (Двоеслова), проходила в его монастыре на холме Целий. На подходе поднял голову и увидел два фруктовых дерева, лимонное и грушевое, снизу доверху осыпанных спелыми плодами («там»). На фоне этого поистине райского видения (совсем, как в «Миньон» Гёте) стоял средних лет мужчина со счастливым выражением лица, позировал для прохо-

дящих внизу. Через несколько шагов у подножия монументальной лестницы монастыря прелестные Миньоны (и не одна) в одежде средневековых пейзажников с характерными платами на головах репетировали сценки, посвященные Папе Григорию Великому. Поднялся по пустынной лестнице и неожиданно наткнулся (еще одно чудесное видение!) на большой кожаный кошелек. Несмотря на замешательство (все же только что прибыл в Рим), решил его не открывать, затем отнес и положил танцующим Миньонам. Этим чудеса в Риме не закончились: приглашение Ватикана предполагало личное участие в общей Пасхе (как представителя России), но этого ... не случилось из-за отъезда накануне Пасхи на родину в связи с датами авиабилетов и виз. Всё пребывание в Риме было под знаком «там» и «туда», с большим участием чудесного и фантастического (скорее, это было из области романтической фантазии, как в «Миньон» Гёте-Жуковского или, например, Пушкина в его ранних произведениях).

Поразительно, что в первой пушкинской поэме «Руслан и Людмила», которая была напечатана в 1820 году и принесла молодому поэту популярность и славу, магическое «там» уже во вступлении повторено 11 раз: «Там чудеса: там леший бродит, Русалка на ветвях сидит; Там на неведомых дорожках Следы невиданных зверей; Избушка там на курьих ножках Стоит без окон, без дверей; Там лес и дол видений полны; Там о заре прихлынут волны На брег песчаный и пустой ... Там королевич мимоходом пленяет грозного царя; Там в облаках перед народом Через леса, через моря Колдун несет богатыря ... Там ступа с бабою Ягой Идет, бредет сама собой; Там царь Кащей над златом чахнет; Там русский дух ... там Русью пахнет! И там я был, и мед я пил ...» [Пушкин, 1936, с. 3]. Как видим, магическое и романтическое «там» встречается у Пушкина, как и у Жуковского, весьма часто, в том числе, в его ранних произведениях.

Пушкинская реплика (1821) гётевской Миньон открывается весьма схожим с Гёте текстом: «Кто видел край, где роскошью природы ...» [Пушкин, 1936, с. 319]. Правда, у Пушкина лимонных рощ нет. Зато и «... лавровые своды, ... и шелковиц и тополей прохлады, В тени олив уснувшие стада, Вокруг домов решетки винограда ...» [Пушкин, 1936, с. 350]. Что главное, Пушкин сохраняет здесь ключевое романтическое «там»: «И там, где мирт шумит над падшей урной ...» [Пушкин, 1936, с. 350] Сохраняя луче-

зарные «туда» Гёте, Пушкин чуток к элегическому двоemiрию Жуковского: «Туда летят желания мои». Пушкин 1821 года, когда была со-здана элегия «Кто видел край ...», был уже Пушкин изгнания. Здесь его «там», «туда» уже не сказочный ориентир «Руслана и Людмилы» (1820), но и не ориентир потустороннего иноми-рия, как это было у Жуковского. Пушкин 1821 года был Пушкиным «Гавриилиады», с его лю-бовно-эротическими фантазиями. И здесь он намного ближе к Гёте, и раннему, и зрелому. В данном конкретном тексте он обращается к чита-телю: «Скажите мне: кто видел край прелестный, Где я любил, изгнанник неизвестный? Златой предел! Любимый край Эльвины, Туда летят же-лания мои!» [Пушкин, 1936, с. 319]. Поразитель-но, что, следуя Гёте («Миньон») отнюдь не в жанре элегии, а скорее идиллии, Пушкин всё же остается привержен и элегической тональности воспоминания.

В этом смысле раннее «Воспоминания в Цар-ском Селе» оказывается действительно про-граммным и с его элегической, и с возвышенно-романтической спецификой. Примерно таким же, только глубже и, разумеется, в чем-то ближе Гёте, видится «Кто видел край ...» (1821). Совсем как в «Воспоминания в Царском Селе» звучат слова «Я помню ...». Радостное приятие жизни, как у Гёте, прорывается в строках: «Прилива шум и говор водопада, И средь валов летучие суда – И яркие лучи златого Феба, И синий свод полуденного неба. ... И своды скал. И моря блеск лазурный И ясные, как радость, небеса – Утихнет ли волнение жизни бурной? Минувших лет воскреснет ли кра-са?...». Заканчивается произведение романтичес-кой, магической темой волшебного сна: «Приду ли вновь под сладостные тени Душой уснуть на лоне мирной лени». Это, конечно, еще ранний Пушкин, несомненно близкий и к Гёте, и к Жу-ковскому. И всё же обращенные к будущему ин-тонации («Приду ли ...») позволяют угадать в по-эте Пушкина-пророка («Деревня» 1819, опубли-ковано в 1825 году или, например, «Вновь я посе-тил» 1835). «Кто видел край ...» демонстрирует уже реальные богатства пушкинского поэтическо-го текста, его жанровой соотнесенности, связи с наследием Гёте, Жуковского и других поэтов-романтиков, но, и прежде всего, всю масштаб-ность и яркость его самобытности, как уже зрело-го великого поэта.

Р. Ю. Данилевский, соотнося личности Гёте и Пушкина, пишет, в частности, что «Пушкин, младший его современник, соотносил свое твор-

чество с достижениями Гёте, из его произведе-ний черпал идеи, темы, мотивы. Получал стиму-лы для создания ряда образов и характеров» [Да-нилевский, 1981, с. 99]. Автор утверждает, что «историческая миссия Пушкина в русской наци-ональной литературе и культуре в целом, состо-явшая в качественном их преобразовании и при-дании им всемирного значения, аналогична мис-сии Гёте в культуре стран немецкого языка, что современники отдавали себе отчет в этом функ-циональном сходстве двух гениев». Весьма правдоподобные сведения, в частности, польской пианистки Марии Шимановской, в её переписке, что в 1827 году Гёте принимал В. А. Жуковского в своем доме в Веймаре и передал через него свое перо для Пушкина с посвятельным четве-ростишием «Goethes Feder an***». Стихотворе-ние Жуковского «К Гёте», где немецкий поэт был поставлен почти вровень с Богом, Пушкин высоко оценил (в письме к Жуковскому не позд-нее 24 апреля 1825 года) [Данилевский, 1981, с. 99].

Тот же Р. Ю. Данилевский в томе «Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пуш-кин и мировая литература. Материалы к „Пуш-кинской энциклопедии“» называет несколько эпизодов в творчестве Пушкина, как бы откли-кающихся на текст «Миньон» Гёте: «С начала 1820-х в лирике Пушкина появляется мотив юга как идеальной страны искусства и свободы с ха-рактерным вопросительным зачином – тема пе-сенки итальянской девочки Миньоны из романа Гёте „Годы учения Вильгельма Мейстера“ („Wil-helm Meisters Lehrjahre“, 1796): „Кто видел край, где роскошью природы ...“ (1821), „Таврида“ (1822, с повторением эпиграфа из „Пролога в театре“), „Кто знает край, где небо блещет ...“ (1828, с эпиграфом из „Миньон“); отголоски те-мы – в стихотворении „К вельможе“ (1830), „Ко-гда порой воспоминаешь...“ (1830), в словах Ла-уры („Каменный гость“, 1830, сцена 2). Проме-жуточным звеном этого мотива от Гёте к Пуш-кину могло служить вступление к „Абидосской невесте“ Байрона, зависящее от стихотворения Гёте» [Данилевский, 2004, с. 99–100].

Ещё одну реплику Пушкина на «Миньон» Гё-те Данилевский датирует 1828 годом, однако вы-дающийся пушкинист Б. В. Томашевский указы-вает 1827 год [Пушкин, 1936, с. 395]. Она открыв-ается немецким эпиграфом Гёте «Kennst du das Land? Wilhelm Meister». Начало текста несколько отличается от подобного же стихотворения 1821 года: «Кто знает край, где небо блещет Неизъяс-

нимой синевой, Где море теплою волной Вокруг развалин тихо плещет, Где вечный лавр и кипарис На воле гордо разрослись...» Сравним в тексте 1821 года: «*Кто видел край*, где роскошью природы Оживлены дубравы и луга, Где весело, синяя, блещут воды И пышные ласкают берега, Где на холмы под лавровые своды Не смеют лечь угрюмые снега?». Поэт снова повторяет ключевые слова вступления Гёте «Скажите мне: *кто видел край* прелестный, Где я любил, изгнанник неизвестный». Далее снова повторяется *любимый край*, а вместе с ним и ключевой романтический ориентир «туда»: «Златой предел! Любимый край Эльвины, Туда летят желания мои!» [Пушкин, 1936, с. 319]. Возвращение Пушкина в 1821 и 1827 гг. к теме гётевской «Миньон» было «как сердцем повторенный звук», как «Воспоминания в Царском Селе» 1814 и 1827 гг., как ежегодные возвращения Пушкина и лицеистов первого выпуска к дате 19 октября, священному дню основания лица.

Несмотря на эпиграф из Гёте на немецком языке, стихотворение 1827 года «Кто знает край...» «*Kennst du das Land? Wilhelm Meister*» [Пушкин, 1936, с. 395] представляет собой оригинальную интерпретацию Пушкина, еще более далекую от Гёте, чем текст 1821 года «Кто видел край...». Здесь уже нет ни лимонных рощ, ни миртов (как у Гёте). Волшебный край «там» обозначен скорее великими именами поэтов, художников, скульпторов: Торквато Тассо, Байрона, Рафаэля, Кановы. Пушкин 1827–1828 гг. уже прошел Михайловское, весьма продуктивное поэтическое затворничество: эпиграф к данному стихотворению не ограничивается Гёте, добавлены слова из русской простонародной песни: «По клюкву, по клюкву, По ягоду, по клюкву...». Пушкин 1827–1828 года отнюдь уже не Пушкин 1821 года. В стихотворении «Кто знает край...» появляется образ Людмилы, видимо, персонажа пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». «Людмила северной красой» превосходит здесь и «флорентинскую Киприду», и «образ нежной Форнарины» Рафаэля. Поэт воспевае красоту своей северной Людмилы: «Скажите мне: какой певец, Горя восторгом умиленным, Чья кисть, чей пламенный резец Предаст потомкам изумленным Ее небесные черты? Где ты, ваятель безымянный Богини вечной красоты?» [Пушкин, 1936, с. 395]. Слово «край» опять сохраняется, но уже в связи с любимой героиней Пушкина Людмилой: «Волшебный край, волшебный край,

Страна высоких вдохновений, Людмила зрит твой древний рай, твои пророческие сени...».

У Пушкина: «там», «туда» – не только Мир мечты, но – поэтического воображения, впрочем, вполне актуальный и осязаемый, как и у Гёте «посюсторонний», земной. Это край чудесных лимонных садов, миртовых рощ, чудесных ландшафтов. О романтической поэтизации хорошо сказал искусствовед Владимир Леньшин в альманахе «Времена года»: «В романтическом искусстве пушкинской поры, и шире – первой половины XIX века, роль пейзажа становится более заметной. Не только талант, но и общеевропейские художественные принципы ощущаются в пейзажных мотивах русских итальянцев... Актуально прослеживается „неутомимая фаустовская жажда познания, *духовного преобразования натуральных наблюдений*”» [Леньшин, 2016, с. 7].

Из ближайших друзей и современников Пушкина нельзя не упомянуть обращения к гётевской «Миньон» Петра Андреевича Вяземского и Владимира Григорьевича Бенедиктова. Они были созданы позднее переложений Жуковского и Пушкина, но заслуживают всяческого внимания с точки зрения особо бережного отношения к тексту оригинала Гёте. Немецкие вкрапления необычайно концептуальны, в том числе, относительно ключевого романтического лейтмотива «там–туда». Оба поэта, что характерно, включили, использовали немецкие оригинальные гётевские «*Dahin, dahin!*». Вяземский вслед за Пушкиным взял в заглавие своего переложения подлинное гётевское «*Kennst du das Land*». Вот отрывки из этого замечательного произведения П. А. Вяземского (1836):

Kennst du das Land!
Kennst du das Land,
wo blüht Oranienbaum?

Kennst du das Land, где фимиамом чистым Упоены воздушные струи, Где по холмам прохладным и тенистым Весна таит сокровища свои? Где негой роз и блеском их румянца Ковры лугов пестреют и цветут, И где срослись и злато померанца, И зелени душистый изумруд?.. Kennst du das Land, где север смотрит югом?.. Kennst du das Land, гнездо орлов и грома?.. Kennst du das Land, где пурпуром и златом... Dahin, dahin, Жуковский, наш Торквато! Dahin, dahin, наш Тициан – Брюллов!..

Другое переложение – В. Г. Бенедиктова (1884): «Была пора: я был безумно молод, И пыл страстей мне сердце разжигал, Когда ж подчас суровый зимний холод От севера мне душу проникал – Я думал: есть блаженный юг на свете, Край светлых гор и золотых долин, И радостно твердил я вместе с Гете: Dahin! – Dahin!...» [Жирмунский, 1982, с. 114–115].

Вообще, «Миньон» Гёте (с подачи Жуковского и Пушкина) было сверхпопулярно в романтически настроенной литературной среде России первой половины XIX века, в частности, В. М. Жирмунский в своей работе «Гёте в русской литературе» приводит большой фрагмент анализа песни Миньоны из писем Н. В. Станкевича: «И все это выражает „Kennst du das Land ...“ Как бы хотелось слышать это чувство, отлитое в звуки! Здесь их поле. Увлечь душу, обаять ее (иначе не могу выразить) должна музыка на эту песню... если она не такова, то музыкант – или не гений, или не знает Миньоны. Эта музыка должна заставить меня схватить тебя за руку и сказать: Dahin, dahin, Möcht' ich mit dir, o mein Geliebter, ziehn!» [Жирмунский, 1982, с. 181].

Хотя М. Ю. Лермонтов остается в народной памяти как автор знаменитого стихотворения «Смерть поэта», написанного по поводу гибели великого поэта, всё же он не был лично знаком с А. С. Пушкиным. Зато он был очень близок к В. А. Жуковскому, который ему покровительствовал, как, впрочем, ранее и А. С. Пушкину. Достаточно сказать, что Лермонтов часто бывал дома у Жуковского, а также то, что именно Жуковский помог опубликовать «Песню про купца Калашникова». В русле данной статьи сразу стоит сказать о знаменитых переложениях Лермонтовым стихов Гёте «Wanderers Nachtlied» («Горные вершины спят во мгле ночной»). Если Жуковский, учитель Лермонтова, создавал всё же *переводы* Гёте, то Лермонтов, как бы вслед за Пушкиным, создавал свои *переложения, интерпретации*.

Таковы и интерпретации «Kennst du das Land...» Гёте и у Пушкина, и у Лермонтова, они не повторяют текст оригинала, а довольно-таки далеко от него отходят. «Жалобы турка (Письмо. К другу, иностранцу)» молодого Лермонтова начинается строками, близкими к Гёте: «Ты знал ли дикий край...». Однако, речь идёт совсем не об Италии, райском крае с лимонами и миртами. У Лермонтова это «дикий край, под знойными лучами, Где рощи и луга поблекшие цветут ...» Отмеченный выше прием романтического ланд-

шафта у Лермонтова приводит не к чудесному преобразению (как, например, у Пушкина). А – к крайне отрицательному, негативному: «Где хитрость и беспечность злобе дань несут, Где сердце жителей волнуемо страстями, И где являются порой Умы и хладные и твердые как камень, Но мощь их давится безвременной тоской, И рано гаснет в них добра спокойный пламень ...» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 28].

Лермонтов неслучайно вводит в заглавие образ турка, его письмо к другу-иностранцу. Характерное и для Гёте, и для Пушкина сакраментальное «там» у Лермонтова здесь соотнесено совсем не с райской, а, напротив, адской родиной «турка»: «Там рано жизнь тяжка бывает для людей, Там за утехами несется укоризна, Там стоит человек от рабства и цепей!.. Друг! Этот край ... моя отчизна!» (1829) [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 28–29]. В том же году молодой Лермонтов создает стихотворение «Черкешенка», открывая тем самым свою излюбленную кавказскую тему. Начинается оно, впрочем, как и «Жалобы турка», вслед за Гёте, «Я видел вас, холмы и нивы ...». Подобно началу «Жалобы турка», и в отличие от Гёте и Пушкина, речь идет о диком ландшафте: «Разнообразных гор кусты, Природы дикой красоты, Степей глухих ...». Вместе с тем, Лермонтов как бы возвращается к Гёте и Пушкину, рисуя «народ счастливый и нравы тихой простоты». Снова появляется сакраментально-романтическое «там». Речь идет о черкешенке как о чудесном видении: «Но там, где Терек протекает, Черкешенку я увидел, – Взор девы сердце приковал; И мысль невольно улетает Бродить средь милых, дальних скал...» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 29].

Романтический поэт слышит «звуки райские», лицезреет «небесный вид», слышит «стон любви, страстей и муки», и всё же, как бы это сделал Жуковский с его потусторонним «там», Лермонтов заканчивает стихотворение темой гроба: «Так дух раскаяния, звуки Послышав райские, летит Узреть еще небесный вид: Так стон любви, страстей и муки До гроба в памяти звучит». И отныне таков будет поэтический алгоритм Лермонтова: чудеса и муки любви, страсти и страдания, темы любви и смерти, трагический надлом. Исследователи считают, что молодой Лермонтов испытал сильное влияние Байрона (как, впрочем, и молодой Пушкин, который преодолел это влияние к зрелости). Но Лермонтов и зрелый отличен от Пушкина, потому что был близок Жуковскому с его потусторонним «там».

В 1830 году Лермонтов пишет, как бы вслед за Байроном, «Ночь I» и «Ночь II». Характерно, что начинается «Ночь I» темой смерти и души (как часто у Жуковского): «Я зрел во сне, что будто умер я; Душа, не слыша на себе оков телесных, Рассмотреть могла бы яснее Весь мир...» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 39]. Уже здесь у Лермонтова звучит характерная для романтиков, Гёте и Пушкина, тема пути, странствия в мировом пространстве: «Боязненное чувство занимало ее; я мчался без дорог...». И снова Лермонтов возвращается к Гёте, и снова уходит от него и Пушкина: «И снова я увидел край земной; Досадой вид его меня наполнил...». Однако это видение отнюдь не райское, а видение загробного сна: «... где твой труп зарыт; и там живи, и жди, Пока придет Спаситель, – и молись ... Молись – страдай ... и выстрадай прощенье...» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 40].

Лермонтов хорошо знал произведения Гёте, цитировал его стихи. Герои Гёте упоминаются в текстах Лермонтова. Вольный перевод четырех начальных стихов баллады Гёте «Рыбак» усматривается в наброске «Забывши волнения жизни мятежной...». Зачин песни Миньоны «Ты знаешь край» открывает стихотворение Лермонтова «Жалобы турка», в сатире «Пир Асмодея» действуют персонажи Гёте Фауст и Мефистофель. «Завещание» («Есть место близ тропы глухой») носит подзаголовок «Из Гёте» и представляет собой обработку части текста «Страданий молодого Вертера». И. Л. Андроников говорил, что современники называли Лермонтова «русским Гёте».

Заключение. Квинтэссенцией и реакцией русских поэтов на гётевские темы странника и Миньон, мотивов «там», «туда» являются у Пушкина: интерпретации гётевского «Kennst du das Land», но и «Воспоминания в Царском Селе», и даже «Вновь я посетил» с его пророческим взглядом в будущее; у Жуковского «Мина», «Путешественник и поселянка», где в консервативной ретроспекции поэта путь странника устремлен к местам Кумской Сивиллы. У Лермонтова «Из Гёте» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 197] устремлено не только к вершинам Кавказа, но это и путь к вечному покою в Вечности, как, впрочем, затем в его итоговом стихотворении «Выхожу один я на дорогу» (1841). Правда, здесь Лермонтов делает шаг от Жуковского в сторону Пушкина и Гёте, предполагая заснуть «не тем холодным сном могилы», но «чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб, дыша, вздымалась тихо

грудь. Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, Про любовь мне сладкий голос пел, Надо мной чтоб, вечно зеленея, Темный дуб склонялся и шумел» [Лермонтов, 1988, Т. 1, с. 222–223]. Духовная трансформация земного ландшафта приходит от Гёте и Пушкина к Лермонтову, покой и воля позднего Пушкина приходит к позднему Лермонтову, к его строкам «Я ищу свободы и покоя». Всё вышеприведенное можно считать поэтическим завещанием и Гёте, и Жуковского, и Пушкина, и Лермонтова.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Гёте и Пушкин (1749–1999) // Гётевские чтения 1999. Москва : Наука, 1999. С. 7–16.
2. Гёте И. В. Лесной царь. Санкт-Петербург : Амфора, 2012. 239 с.
3. Гёте И. В. Лесной царь. Санкт-Петербург : Азбука, 2019. 316 с.
4. Гёте И. В. Избранные стихотворения и проза / сост. и автор вступ. ст. Л. И. Мальчуков. Петрозаводск : Карелия, 1987. 335 с.
5. Гёте И. В. Лирика / сост. С. Тураев. Москва : Детская литература, 1975. 190 с.
6. Гёте И. В. Новая любовь, новая жизнь: избранная лирика, перевод с немецкого. Москва : Изд-во АСТ, 2022. 384 с.
7. Данилевский Р. Ю. Гёте // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». Санкт-Петербург : Наука, 2004. С. 99–105.
8. Данилевский Р. Ю. Гёте // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : «Советская энциклопедия», 1981. 784 с.
9. Державин Г. Оды / сост. С. С. Аверинцев. Ленинград : Лениздат, 1985. 334 с.
10. Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе / отв. ред. М. П. Алексеев, Ю. Д. Левин; изд. подгот. Н. А. Жирмунская-Сигал. Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1982. 559 с. URL: [https://cpcl.info/text/zhirmunskiy_gete-v-russkoy-literature_1982/\\$p2/](https://cpcl.info/text/zhirmunskiy_gete-v-russkoy-literature_1982/$p2/) (дата обращения: 06.05.2025).
11. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений. Санкт-Петербург : Изд. А. Ф. Маркса, 1906. Т. 1. 587 с.
12. Иезуитова Р. В. Жуковский // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : «Советская энциклопедия», 1981. 784 с.
13. Иезуитова Р. В. Образ Италии в лирической интерпретации Пушкина // Канаев И. И. Иоганн Вольфганг Гёте. Очерки из жизни поэта-натуралиста. Москва–Ленинград : Наука, 1964. 261 с.
14. Кнабе Г. С. Античная литература // Пушкин. Исследования и материалы. Том XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». Санкт-Петербург : Наука, 2004. 445 с.
15. Лебедева О. Б. Рецептивная история стихотворения И. В. Гете «Mignon» в русской словесности XIX–XX вв. // Евразийский межкультурный диалог:

«свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск, 2007. С. 223–247. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000381237> (дата обращения: 07.05.2025).

16. Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века). Ленинград : Наука, 1980. 212 с.

17. Лёняшин В. «... Всё тяготеет к ландшафту» // Времена года : Альманах. Вып. 469. Санкт-Петербург : Palace Editions, 2016. С. 7.

18. Лермонтов М. Ю. Сочинения. Том 1 / сост. и комм. И. С. Чистова. Москва : «Правда», 1988. 719 с.

19. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : «Советская энциклопедия», 1981. 784 с.

20. Литературное наследие Г. Р. Державина. URL: http://az.lib.ru/g/gete_i_w/text_1800_poe.shtml (дата обращения: 06.05.2025).

21. Найдич Э. Э. Пушкин // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : «Советская энциклопедия», 1981. 784 с.

22. Пушкин А. С. и мировая культура. Международная научная конференция. Материалы. Москва, 2-4 февраля 1999 года. Москва : Изд. МГУ, 1999. 281 с.

23. Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». Санкт-Петербург : Наука, 2004. 445 с.

24. Пушкин А. С. Сочинения / сост., комментарии Б. В. Томашевского. Ленинград : Гос. изд-во «Художественная литература», 1936. 975 с.

25. Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Стихотворения 1813–1836. Санкт-Петербург : Библиополис, 1993. 599 с.

26. Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. Москва : Художественная литература, 1975. 256 с.

27. Словарь античности. Москва : Прогресс, 1989. С. 133.

28. Словарь литературоведческих терминов / сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. Москва : Просвещение, 1971. 509 с.

29. Томашевский Б. В. Комментарии // Пушкин А. С. Сочинения / сост., комментарии Б. В. Томашевского. Ленинград : Гос. изд-во «Художественная литература», 1936. 975 с.

30. Федоровская Л. А. Пушкин и Гёте (Отклик Пушкина на стихотворение Гёте) // Пушкин А. С. и мировая культура. Международная научная конференция. Материалы. Москва, 2-4 февраля 1999 года. Москва : Изд. МГУ, 1999. 281 с.

31. Фёдоров Ф. П. Смена культурных кодов, или Гёте в сознании Пушкина // А. С. Пушкин и мировая культура. Международная научная конференция. Материалы. Москва, 2-4 февраля 1999 года. Москва : Изд. МГУ, 1999. 281 с.

32. Филипповский Г. Ю. А. С. Пушкин: поэтика «отзывчивости». Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 291 с.

33. Johann Wolfgang von Goethe: Berliner Ausgabe. Poetische Werke [Band 1–16], Band 1. Berlin, 1960. S. 116–118.

34. The reader's companion to world literature. New York : The New American Library, Inc., 1973. 577 p. Goethe p. 218–221; Pushkin p. 436–437; Sturm und Drang p. 502–503; Romantic movement p. 457–460.

Reference list

1. Averincev S. S. Gjote i Pushkin (1749–1999) = Goethe and Pushkin (1749–1999) // Gjotevskie chtenija 1999. Moskva : Nauka, 1999. S. 7–16.

2. Gjote I. V. Lesnoj car' = The Forest King. Sankt-Peterburg : Amfora, 2012. 239 s.

3. Gjote I. V. Lesnoj car' = The Forest King. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2019. 316 s.

4. Gjote I. V. Izbrannye stihotvorenija i proza = Selected poems and prose / sost. i avtor vstup. st. L. I. Mal'chukov. Petrozavodsk : Karelija, 1987. 335 s.

5. Gjote I. V. Lirika = Poems / sost. S. Turaev. Moskva : Detskaja literatura, 1975. 190 s.

6. Gjote I. V. Novaja ljubov', novaja zhizn': izbrannaja lirika, perevod s nemeckogo = New love, new life: selected poems, translated from German. Moskva : Izd-vo AST, 2022. 384 s.

7. Danilevskij R. Ju. Gjote = Goethe // Pushkin. Issledovanija i materialy. T. XVIII–XIX. Pushkin i mirovaja literatura. Materialy k «Pushkinskoj jenciklopedii». Sankt-Peterburg : Nauka, 2004. S. 99–105.

8. Danilevskij R. Ju. Gjote = Goethe // Lermontovskaja jenciklopedija / gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1981. 784 s.

9. Derzhavin G. Ody = Odes / sost. S. S. Averincev. Leningrad : Lenizdat, 1985. 334 s.

10. Zhirmunskij V. M. Gjote v russkoj literature = Goethe in Russian literature / otv. red. M. P. Alekseev, Ju. D. Levin; izd. podgot. N. A. Zhirmunskaja-Sigal. Leningrad : Nauka. Leningr. otdelenie, 1982. 559 s. URL: [https://cpcl.info/text/zhirmunskij_gete-v-russkoj-literature_1982/\\$p2/](https://cpcl.info/text/zhirmunskij_gete-v-russkoj-literature_1982/$p2/) (data obrashhenija: 06.05.2025).

11. Zhukovskij V. A. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works. Sankt-Peterburg : Izd. A. F. Marksa, 1906. T. 1. 587 s.

12. Iezuitova R. V. Zhukovskij = Zhukovsky // Lermontovskaja jenciklopedija / gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1981. 784 s.

13. Iezuitova R. V. Obraz Italii v liricheskoj interpretacii Pushkina = The image of Italy in Pushkin's lyrical interpretation // Kanaev I. I. Iogann Vol'fgang Gjote. Oчерki iz zhizni pojeta-naturalista. Moskva–Leningrad : Nauka, 1964. 261 s.

14. Knabe G. S. Antichnaja literatura = Ancient literature // Pushkin. Issledovanija i materialy. Tom XVIII–XIX. Pushkin i mirovaja literatura. Materialy k «Pushkinskoj jenciklopedii». Sankt-Peterburg : Nauka, 2004. 445 s.

15. Lebedeva O. B. Receptivnaja istorija stihotvorenija I. V. Gete «Mignon» v russkoj slovesnosti XIX–XX vv. = Receptive history of J. W. Goethe's poem «Mi-

- gnon» in Russian literature of the XIX-XX centuries // Evroaziatskij mezhekul'turnyj dialog: «svoe» i «chuzhoe» v nacional'nom samosoznanii kul'tury. Tomsk, 2007. S. 223–247. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000381237> (data obrashhenija: 07.05.2025).
16. Levin Ju. D. Ossian v russkoj literature (konec XVIII – pervaja tret' XIX veka) = Ossian in Russian literature (late XVIII – first third of XIX century). Leningrad : Nauka, 1980. 212 s.
17. Lenjashin V. «... Vsjo tjagoteet k landshaftu» = «... Everything gravitates toward the landscape» // Vremena goda : Al'manah. Vyp. 469. Sankt-Peterburg : Palace Editions, 2016. S. 7.
18. Lermontov M. Ju. Sochinenija. Tom 1 = Works. Volume 1 / sost. i komm. I. S. Chistova. Moskva : «Pravda», 1988. 719 s.
19. Lermontovskaja jenciklopedija = Lermontov encyclopedia / gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1981. 784 s.
20. Literaturnoe nasledstvo G. R. Derzhavina = G. R. Derzhavin's literary heritage. URL: http://az.lib.ru/g/gete_i_w/text_1800_poe.shtml (data obrashhenija: 06.05.2025).
21. Najdich Je. Je. Pushkin = Pushkin // Lermontovskaja jenciklopedija / gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : «Sovetskaja jenciklopedija», 1981. 784 s.
22. Pushkin A. S. i mirovaja kul'tura = Pushkin A. S. and the world culture // Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Materialy. Moskva, 2-4 fevralja 1999 goda. Moskva : Izd. MGU, 1999. 281 s.
23. Pushkin. Issledovanija i materialy. T. XVIII–XIX = Pushkin. Researches and materials. VOL. XVIII–XIX // Pushkin i mirovaja literatura. Materialy k «Pushkinskoj jenciklopedii». Sankt-Peterburg : Nauka, 2004. 445 s.
24. Pushkin A. S. Sochinenija = Works / sost., komentarii B. V. Tomashevskogo. Leningrad : Gos. izd-vo «Hudozhestvennaja literatura», 1936. 975 s.
25. Pushkin A. S. Sobranie sochinenij v pjati tomah. Tom 1. Stihotvorenija 1813–1836 = Collected works in five volumes. Volume 1. Poems 1813–1836. Sankt-Peterburg : Bibliopolis, 1993. 599 s.
26. Semenko I. M. Zhizn' i poezija Zhukovskogo = Zhukovsky's life and poetry. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. 256 s.
27. Slovar' antichnosti = Dictionary of Antiquity. Moskva : Progress, 1989. S. 133.
28. Slovar' literaturovedcheskih terminov = Dictionary of literary terms / sost. L. I. Timofeev, S. V. Turaev. Moskva : Prosveshhenie, 1971. 509 s.
29. Tomashevskij B. V. Kommentarii = Commentaries // Pushkin A. S. Sochinenija / sost., komentarii B. V. Tomashevskogo. Leningrad : Gos. izd-vo «Hudozhestvennaja literatura», 1936. 975 s.
30. Fedorovskaja L. A. Pushkin i Gjote (Otklik Pushkina na stihotvorenije Gjote) = Pushkin and Goethe (Pushkin's response to Goethe's poem) // Pushkin A. S. i mirovaja kul'tura. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Materialy. Moskva, 2-4 fevralja 1999 goda. Moskva : Izd. MGU, 1999. 281 s.
31. Fjodorov F. P. Smena kul'turnyh kodov, ili Gjote v soznanii Pushkina = Changing cultural codes, or Goethe in Pushkin's mind // A.S. Pushkin i mirovaja kul'tura. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Materialy. Moskva, 2-4 fevralja 1999 goda. Moskva : Izd. MGU, 1999. 281 s.
32. Filippovskij G. Ju. A. S. Pushkin: pojetika «otzyvchivosti» = A. S. Pushkin: the poetics of «responsiveness». Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 291 s.
33. Johann Wolfgang von Goethe: Berliner Ausgabe. Poetische Werke [Band 1–16], Band 1. Berlin, 1960. S. 116–118.
34. The reader's companion to world literature. New York : The New American Library, Inc., 1973. 577 p. Goethe p. 218–221; Pushkin p. 436–437; Sturm und Drang p. 502–503; Romantic movement p. 457–460.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 22.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025